

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Пальцы

решают

Все

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *И. Варавина*

Л47 **Леонов, Николай Иванович.** Пальцы решают все / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-199556-0

Убит и ограблен артист районного театра. Полковники МВД Гуров и Крячко приходят к выводу, что это очередной случай в цепи кровавых преступлений, произошедших в Москве и области за последнее время. Преступник убивает обеспеченных людей, предварительно войдя к ним в доверие. Всякий раз он оставляет на месте преступления отпечатки пальцев, но в полицейской картеке они не числятся. Оперативники разрабатывают операцию по поимке злодея, еще не зная, что судьба уже приготовила ему хитроумную западню...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199556-0

© Макеев А.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

О том, что подступил вечер, Гуров заметил по тому, что стало темно в кабинете. Лев Иванович так увлекся бумажной работой, что не заметил, как пролетело время. По правде говоря, эту самую бумажную работу он не шибко жаловал. К его чести будет сказано, что ее не любили практически все оперативники, ибо она жутко мешала другим, более важным делам. Но даже от бумажек порой никуда не денешься, поэтому волей-неволей приходилось браться за ручку, бумагу и прочие канцтовары и сидеть, корпеть.

Гуров включил настольную лампу и осмотрел фронт работ. Со всем, конечно, не разгребешься, но до конца дня хватит. Благо оставалось всего ничего — минут сорок с небольшим.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Стас Крячко. Вместе с ним в помещение вплыл и легкий запах зимнего мороза.

— В потемках сидишь? — усмехнулся он и бросил на стол небольшой пакетик. — До выключателя лень дойти?

— Может, и лень — Лев Иванович отложил ручку и откинулся на кресле. — Только сейчас заметил, что уже почти вечер.

— Да, вся эта ерунда затягивает, как болото, — кивнул Крячко, покосившись на разложенные по столу бумаги и папки. Он снял куртку, повесил ее на вешалку и включил электрический чайник.

— К дежурству готов?

— А то, — Станислав сел за стол и вытащил из пакета пачку чая.

— Ну чтоб все спокойно прошло.

— Не сглазь, тьфу-тьфу-тьфу, — коллега трижды постучал по столу.

— Не поможет, — улыбнулся Лев Иванович.

— А вдруг? — хитро прищурился Крячко.

— Полагаешься на счастливый случай?

— Почему нет?

— И много раз помогало?

— Не раз.

— А два, — усмехнулся Гуров. — Хотя я тоже, когда остаюсь дежурить, на этот самый случай нередко надеюсь. Чтоб без убийств, стрельбы и прочих поножовщин.

Стас бросил пакетик чая в бокал и налил воды из закипевшего чайника.

— А знаешь, Лева, бывает, что случай помогает в расследовании.

— Бывает, но не так уж часто, согласишься.

— Нечасто, но все же. Помню, был один случай, когда преступники очень по-глупому прокололись, и их поймали. Так вот, для оперов, которые их ловили, это и был тот самый случай.

— Как я понимаю, ловил не ты?

— Я тогда стажером был. Меня и мою одногруппницу, Надьку Лебедеву, кинули в один отдел. И как раз случилось убийство модного тогда художника Андрея Петроградского.

— Помню. Еще по телевизору даже тогда про это говорили. Я еще подумал: ну и фамилия у этого живописца.

— Псевдоним. Настоящая его фамилия была Копытин. Видимо, решил, что «художник Андрей Копытин» звучит не очень, и придумал Петроградского.

— Кстати, заметь, из всей творческой братии художники псевдонимы берут реже всего.

— Ой, Лева, да вся эта богема — сборище чудиков. У них каждый первый, если не долбанутый по темечку, то алкоголик или наркоман. Помню, один из оперов, которые по этому делу работали, Николай Дмитрич, поехал допрашивать дружка Петроградского. Ну как дружка... Наиболее частого собутыльника. И еще Надьку с собой прихватил. А тот дружок тоже был художник. И была у него фишка — картины голышом рисовать.

— Обнаженных моделей, что ли? — уточнил Гуров.

— Да если бы. Раздевался до полного ничего и рисовал. Так ему, видите ли, лучше творилось. И вот приходит Николай Дмитрич с Надькой к этому типу, а тот им открывает в чем мать родила. И даже присутствие Надьки его не смутило. Но это я так, к слову.

— Да, ты говорил, о том, как случай помог раскрыть дело.

— Именно. Так вот, Андрюша Петроградский был весьма неразборчив в связях. Ну и подцепил веселую и разбитную девицу, у которой старший братишка срок отмотал за поножовщину. Она и навела родственничка. А у художника-то было что взять. Он ведь раскрученный был. И выставки, и спонсоры, и прочие вернисажи... Братец с сестрицей и деньги тогда вынесли, и аппаратуру дороговую. И свалили на юга. Долго их искали.

— Ну и на чем же они прокололись?

— На глупости. Братец прикарманил из квартиры Петроградского весьма приметный золотой браслетик с камешком и с узорами. Вещь не расхожая, сделанная на заказ. А сестричка, когда они все денежки прокутили, заложила его в ломбард и оставила свои паспортные данные.

Лев Иванович усмехнулся.

— Да, братец бы не лопухнулся.

— То-то и оно. А ориентировочку-то по вещичкам дали. Вот на браслетике их и поймали.

— И правда случай. Не лопухнись эта дамочка, неизвестно, когда бы их поймали. Да и поймали ли вообще.

— О чем и речь. Так что, Лев Иваныч, бывает, что и случай помогает.

— Почаще бы он помогал. — Гуров посмотрел на часы. — Все, хватит на сегодня этого бумагомарательства. Пора домой.

— Завидую тебе, Лева, белой завистью. Мне тут еще всю ночь торчать.

— У тебя есть случай, — улыбнулся сыщик и принялся собирать бумаги.

— Может, мне еще форточку открыть и халюву позвать?

— Попробуй. Вдруг она не только к студентам приходит.

Станислав хмыкнул. Гуров навел порядок на столе, попрощался с коллегой и отправился домой.

По пути он размышлял о разговоре со Стасом. Разумеется, Лев Иванович реально оценивал жизнь и существующий мир. Но и в словах друга он тоже находил весомую долю правды. Разве ему самому не попадалось в жизни и в работе удачного стечения обстоятельств? Попадалось, и не раз. Нечасто, конечно, но все же.

— Как ты думаешь, стоит ли полагаться на счастливый случай?

Этот вопрос сыщик задал супруге, когда они пили чай после ужина.

— Смотря в чем. — Мария с интересом посмотрела на мужа. — Это ты о себе или о работе?

— Обо всем. Со Стасом затеяли разговор. Он уверен, что случай помогает.

— Где-то он прав. Другой вопрос в том, что этому случаю способствует.

— И что, по-твоему? Другие люди? Судьба? Бог?

Мария призадумалась.

— По-разному бывает. Помнишь пословицу про то, что человек предполагает, а бог — располагает?

— Помню. Значит, ты считаешь, что бог?

— Я считаю, что всего понемножку.

Да, философскую тему затронул Крячко в банальном, казалось бы, разговоре. Даже сам Гуров сидит и весь вечер размышляет да вспоминает, сколько раз в жизни ему помогал случайный случай.

К слову о Стасе. Льва Ивановича кольнуло предчувствие, что спокойным дежурство коллеги сегодня вряд ли будет. Непременно какая-нибудь гадость приключится. Сыщик даже ощутил порыв взять телефон и набрать номер друга, но удержался. Если надо будет, Крячко позвонит сам. Тем более что Лев Иванович другу не откажет, даже если бы тот позвонил среди ночи. Но он помнил и принцип, что они никогда друг друга не беспокоили без крайней нужды.

«Надеюсь, обойдется без массового убийства», — подумал Гуров, уже лежа в кровати. И он еще не знал, что угадал и не угадал одновременно.

* * *

Женя проводил Настю до станции метро. На улице морозило, но не сильно. Медно-каштановые прядки девушки слегка выбились из-под теплого шарфа, которым она обматывала голову

на манер косынки — шапки Настя не любила. Женя поправил выбившуюся прядку.

— Ну, я поехала, — улыбнулась девушка.

Ему нравилась ее улыбка. Вообще ему нравилось в Насте все. Даже веснушки, которые сама подруга, мягко говоря, недолюбливала. Она была не похожа на всех его предыдущих подружек. Такая милая, непосредственная. Жене она напоминала не то мотылька, не то воробушка, хотя комплекция у девушки была явно не балетная, но и полненькой он ее тоже бы не назвал. Вечно веселая, улыбчивая хохотушка, из которой через край била мощная солнечная энергия. Может, поэтому она и зацепила Женю.

— Как доедешь — позвони. Или напиши, если вдруг не отвечу, — сказал он.

— Хорошо, — кивнула Настя. — Ты сейчас домой?

— Ну а куда же еще? Гостей пока не предвидится, а в театр идти уже поздно.

Подруга обняла его и крепко поцеловала.

— Люблю тебя, — прошептала она.

— И я тебя, солнышко. Позвони, не забудь.

— Обязательно.

Настя скрылась в вестибюле метро. Женя проводил ее взглядом и, дождавшись, пока толпа и двери скроют ее, развернулся и не торопясь пошел обратно к дому.

Идти сейчас куда-то в другое место не хотелось. Да и завтра надо будет пораньше прийти на репетицию — директор сказал, что есть задумка новой постановки, но пока не сказал какой. «Ин-

интересно, что он нам на этот раз приготовил? — не без усмешки подумал Евгений. — Очередной постмодерн или новое прочтение классики?» В последнее время он чувствовал, что весь этот авангард ему начинает малость надоедать. Да, по юности лет ему, только недавно окончившему театральный институт, все это казалось ярким, свежим и самобытным. Вот только яркость потускнела, свежесть начинала попахивать, а самобытность — утрачиваться. Нет бы вернуться к старым добрым пьесам. К тому же Островскому, например. Или Чехову. Ну или, на худой конец, Вампилову, которого Женя по юности терпеть не мог. Слава богу, что при подготовке дипломного спектакля он уговорил не ставить пьесу советского драматурга, которую планировали представить выпускной комиссии. Настоял на своем любимом Уайльде. У него была мысль предложить режиссеру поставить одну из его пьес, но Женя так и не рискнул. Что они могут сделать из творчества сэра Оскара — можно только догадываться. А это был один из самых любимых писателей Жени. Так сказать, нечто из области святого и сокровенного. И уж он бы точно костыми лег, но не дал бы превратить его глубокую драматургию в вульгарный архаусный балаган.

Так, занятый своими мыслями, Евгений подходил к дому и не сразу понял, что кто-то позвал его по имени. Осознал, лишь когда кто-то коснулся его руки. Мужчина вздрогнул, обернулся и выдохнул. Всего лишь знакомый.

— Привет, Жень.

— Привет. А я тебя и не сразу услышал, извини. Задумался.

— Да ничего. Я вообще сначала подумал, что ты в наушниках.

— Нет, сегодня без них.

— Слушай, Жень... — знакомый смущенно замялся. — Мне очень неловко тебя просить...

— Взаимы? — усмехнулся Женя.

— Да нет, с деньгами, слава богу, порядок. Видишь, тут такое дело... Я со своей женщиной поругался. Из-за ерунды, если честно, но поцарапались мы как собаки. Можно у тебя пару часиков перекантоваться?

— Можно, конечно, о чем вопрос? Пошли.

Они зашли в подъезд дома, где жил Женя, и поднялись на пятый этаж. Хозяин открыл дверь квартиры, включил свет в прихожей и впустил гостя.

— Проходи.

— Ага, спасибо.

Внутри еще витал легкий аромат Настинного парфюма. Женя тепло подумал о подруге и решил не убирать телефон далеко, ожидая звонка. Гость тем временем уже прошел в гостиную и скромненько присел на край дивана.

— Чай будешь? — спросил Женя. — Или можем горячительного употребить.

— Ох, — вздохнул знакомый. — Давай уж горячительного. Все равно теперь настроение ни к черту.

Евгений достал из шкафчика коньяк и пару бокалов, поставил их на журнальный столик. Потом принес апельсин, тарелку и нож.

— Я чуть-чуть, — предупредил гость. — А то мне еще домой ехать.

— Если хочешь, можешь остаться, — предложил Женя. — Все равно мне в театр не к шести утра, так что оставайся. Тут, в гостиной, поспишь.

— Жень, ну неудобно...

— Ничего страшного. Захочешь — езжай домой, нет — мое предложение в силе.

— Ладно, спасибо.

— Налей пока, а я апельсин нарежу.

Знакомый аккуратно разлил коньяк по бокалам, а Евгений ловко нарезал апельсин на аккуратные тоненькие кружочки. Вытерев руки бумажной салфеткой, хозяин поднял бокал.

— Давай, за встречу.

— Давай, — кивнул гость, и стекло легонько звякнуло.

Они выпили. Потом Женя сказал:

— Я пока музыку включу.

— Жень, а можешь включить какой-нибудь старенький рок-н-рольчик?

— Без проблем. Сейчас поищу.

Евгений присел за компьютер, который не выключил, когда пошел провожать Настю, и зашелкал «мышкой». Найдя нужную папку, он пустил музыку через проигрыватель. Женя гордился своей коллекцией старой музыки, хотя понимал, что истинным меломанам, которые

тоже собирали старые записи, диски, кассеты, бобины и даже виниловые пластинки, он явно не конкурент. Впрочем, Евгений и не собирался с ними соперничать, даже если бы ему предложили. Он просто коллекционировал музыку, которая ему нравилась, и слушал ее, когда ему хотелось.

— Ну как, настроение немного поднялось? — спросил Женья.

— Есть маленько, — улыбнулся гость и допил остатки из бокала, зажевав их апельсиновым кружочком.

— Вот и чудненько. Слушай, раз уж ты зашел, я тебя кое о чем спрошу.

— О чем?

— Подработать не хочешь?

— Смотря что за подработка.

— Аудиокниги озвучивать.

— Аудиокниги? — удивился гость. — Мне?

— А почему нет? Один мой знакомый как раз ищет пару-тройку человек для озвучки книг. У тебя голос очень хороший, как раз подходит для этого. Если бы не конкуренция, мог бы и на какую-нибудь студию озвучки устроиться.

— Неожиданно, — покачал головой знакомый. — Но спасибо. Я подумаю. Они там как платят?

— По-разному. В зависимости от объема, жанра... Но никогда не обижают с зарплатой. Ну и сам понимаешь, если как подработка, то там не очень много выйдет. И вообще, как у тебя пойдет.

— Ладно, если надумаю, сообщу. Так-то было бы неплохо. Просто я-то частным ремонтом зарабатываю. У меня то густо, то пусто.

— Вот и попробуй, когда будет пусто. Не получится — развернешься и уйдешь, никаких проблем.

— Ладненько. Если что, позвоню.

Женя посмотрел на телефон. Настя еще не звонила. Жила она довольно далеко от него — на другом конце города. Да и ехать на метро ей не пару остановок. Евгений уже предлагал подруге переехать к нему. Тем более что от его дома ей на работу гораздо ближе. Но девушка сейчас ходила в школу вождения, чтобы научиться управлять автомобилем и получить права — ей от бабушки по наследству досталась старенькая иномарка в относительно хорошем состоянии. А школа находилась как раз в том районе, где она жила. Учиться Насте оставалось еще месяц, поэтому она сказала, что как закончит и получит права, то переедет. Так что Евгений предвкусил, что весной они уже будут жить вместе.

Он обернулся. Гость откинулся на спинку дивана, сосредоточенно лазая в телефоне. Наверное, ждал, что его женщина утомилась и написала ему что-нибудь в стиле: «Хватит дурью маяться, приезжай. Жду». Но, судя по его не шибко веселому лицу, подобного сообщения он пока не дождался.

— Дружище, уныние — смертный грех.

— Знаю, — кивнул знакомый. — Но все равно как-то неприятно.

— Тогда, может, еще по одной?

— Давай.

Теперь уже Евгений сам разлил коньяк. Они выпили, закусили апельсином.

— А знаешь, — вздохнул мужчина, — пожалуй, я у тебя останусь. Только я пораньше уеду, ладно?

— Не вопрос. Если раньше меня встанешь, чай, кофе, сахар — все на кухне. Можешь в холодильнике порыться, там есть чем перекусить. И конфеты в шкафчике. Только, когда будешь уходить, тихонечко дверь прикрой.

— Ладно. Спасибо.

Женя снова отвернулся. Как раз зазвонил телефон. Вот и Настя. Наверное, уже доехала. Он взял мобильник, обернулся, чтобы сказать, что выйдет в коридор поговорить, но слова застряли в горле. Удар в грудь лишил его речи. Потом еще один. Картинка перед глазами зашаталась. Евгений видел гостя с окровавленным ножом в руке, слышал затихающую музыку. Потом перед глазами все перевернулось, и наступила темнота.

Мужчина отшвырнул нож и посмотрел на лежащего на полу без движения хозяина. Телефон уже не звонил. Зато резким звуком пискнуло СМС.

«Я дома. Доехала. Все нормально».

Гость усмехнулся и огляделся. Теперь ему никто не помешает. Осталось одно маленькое, но важное дельце. Заодно можно и музыку включить погромче — играла одна из его любимых песен.

* * *

Звонок, выдернувший Крячко из приятной полудремы, раздался после полуночи. Оперативник, проведя несколько спокойных часов, решил маленько вздремнуть и составил стулья, постелив на них старый милицейский бушлат, завалившийся неизвестно с каких времен в шкаф у их кабинета. Когда сон уже начал одолевать Стаса, зазвонил телефон.

— Я так и знал, — недовольно пробурчал сыщик и снял трубку. — Крячко.

— Собирайся на выезд, — отозвался дежурный. — У нас убийство.

— Ох, мать твою, не могли до утра подождать. Иду.

Станислав переобулся, набросил куртку и, прихватив папку со всем необходимым, вышел из кабинета.

Ехать пришлось недолго, где-то три квартала. Хорошо хоть, служебная машина была свободна. Но даже если бы нет, Крячко бы и пешком прогулялся, благо мороз был не сильный. У подъезда пятиэтажного дома их уже ждал участковый. Стас хорошо его знал: это был молодой крепыш, отработавший на участке уже лет пять.

— Доброй ночи, — кивнул он.

— Какой уж тут доброй, раз мокруха приключилась, — криво усмехнулся Крячко. — Что там, Сергей?

— Мужичка грохнули. Соседи вызвали — у него музыка орала на всю громкость. Они по-

шли к нему, а там дверь открыта и хозяин готовый.

— Какой этаж?

— Последний.

— Веди.

Они поднялись на пятый этаж. В квартире еще никого не было, хотя Крячко знал, что уже вызвали и медиков, и эксперта, и дежурного следователя. Ну и хорошо, никто не помешает первичному осмотру. Он нацепил бахилы и прошел внутрь.

Жилье покойного было обставлено неплохо — видно, что хозяин не бедствовал. Сам он лежал посреди комнаты лицом вниз — крепкий темноволосый мужчина. Под ним растеклась лужа крови. На спине ранений не было, значит, били спереди. Станислав аккуратно подошел, стараясь не вляпаться, натянул резиновые перчатки и осторожно приподнял голову убитого. Приятное мужское лицо. Таких женщины любят. В широко раскрытых серых глазах застыл ужас, смешанный с удивлением. Неприятный сюрприз, усмехнулся про себя Крячко. То ли убийство было спонтанным, то ли преступник так задумал, но для хозяина квартиры все оказалось полной неожиданностью. Похоже, что он даже не сопротивлялся.

Стас оценил обстановку. Небольшой бардак, правда, при полном отсутствии следов борьбы. Скорее всего, что-то искали. Два коньячных бокала с остатками содержимого на журнальном столике, недопитая бутылка, тарелка с нарезан-

ными тоненькими кружочками апельсина. Рядом валялось и орудие убийства — большой кухонный нож. На письменном столе у окна включенный компьютер, на котором, видимо, и играла привлекающая соседей музыка. Небольшой книжный шкаф. Стены комнаты были увешаны картинами и какими-то афишами. Крячко пригляделся: концерты, спектакли, стендап-выступления. На одном из плакатов были изображены двое размалеванных под женщин мужчин в корсетах и кожаных то ли трусах, то ли шортах в обтяжку. Один из них отдаленно напоминал распластавшегося на полу покойника. Внизу афиши крупными буквами была выведена надпись «СЛУЖАНКИ».

— Кто такой? — опер повернулся к участковому.

— Артист.

— Настоящий?

— Да, в авангардном или современном театре играет. Рузанов Евгений Сергеевич, тридцать один год.

— Неплохо у нас живут театральные артисты, — Стас еще раз оглядел комнату. — А еще говорят, что искусство бедствует.

— Так он калымит. Калымил, — поправился Сергей. — На свадьбах да на корпоративах выступал. Да и театрик у него, по слухам, неплохого спонсора имеет.

— То есть денежки у покойника водились?

— Водились. Одевался он неплохо. Да и ремонт делал года три назад.

— А в каком театре он играл?